

Когда из хижины разнеслись по округе крики Анны, неподалёку в кустах скрывалась одинокая фигура. Это был Рикардо Хименес. Услышав плач родившегося ребёнка, он ухмыльнулся довольно и торжествующе, потом постоял ещё немного и медленным пружинящим шагом пошёл в свою пещеру.

Ночью Анна проснулась от плача сына, преодолевая боль, села на кровати. Из-за ширмы показалась голова Сержа — теперь он устроился там, чтобы дать жене прийти в себя после родов.

— Милая, кажется, он хочет есть, — улыбнулся он и поднёс ей ребёнка.

— Ты уверен? — Анна с тревогой и сомнением смотрела на захлёбывающееся от плача личико.

— Да... во всяком случае, давай проверим. Приложи его к груди.

Он помог жене удобнее устроить дитя и сам стал придерживать его: руки Анны тряслись от слабости и неуверенности. О чудо! Малыш сразу прекратил крик и буквально впился в сочный источник силы.

— Как я ему завидую! — засмеялся Дюваль.

Анна, улыбаясь, смотрела на сына.

— Теперь я понимаю, почему великие живописцы писали Мадонну с младенцем... — вдруг задумчиво заметил Серж.

Действительно, картина перед его глазами была достойна кисти мастера. Худенькая миниатюрная юная мамочка, обнажённая до пояса, и крошечный младенец, вцепившийся ротиком в полненькую маленькую грудь. С этого момента Дюваль обожал смотреть, как жена кормит сына.

Прошло три месяца. Вернувшись с охоты, Серж осторожно, чтобы ненароком не разбудить малыша Анри, просунулся в дверной проём. Анна сидела к нему спиной и кормила малыша. Почувствовав его взгляд, она чуть повернула голову и улыбнулась мужу.

— Мы уже заканчиваем, милый, — сказала она и, окончив своё важное дело, подошла к Сержу.

— Здравствуй, сынок! — Дюваль взял сына на руки, подняв высоко над головой, встретил его беззубую улыбку.

Потом опустил сына в колыбель и прижал к себе Анну, спрятав лицо в её косах.

— Как сегодня прошёл день, любовь моя? — спросил, подняв за подбородок её личико.

— Хорошо, — она улыбнулась и вдруг, сделавшись серьёзной, спросила: — Милый, ты не мог бы попросить Хименеса не приходить сюда, когда тебя нет дома?

— Он обидел тебя чем-то? — встревожился Дюваль и внимательно посмотрел в чёрные глаза.

— О, нет... вовсе нет... Но... просто... мне не нравится, как он смотрит на меня... Вернее, на нас с Анри. Ты знаешь, я отношусь к нему прекрасно... Он несчастный человек... Но мне как-то не по себе от его взгляда... Временами он словно ухмыляется... Словно обдумывает что-то...

— Да, я поговорю с ним, — согласился Серж.

Слова жены только укрепили его уверенность в подозрительности Хименеса. Конечно, он, чтобы не тревожить Анну, не подал вида, что тоже обеспокоен. Но с этого момента решил быть начеку.

— Только не обижай его, — опять попросила Анна и положила ладошку ему на грудь. Растворяясь в её глазах, он поднял жену на руки и вынес из хижины. Теперь у них был свой маленький дворик, образованный изгородью, которую Дюваль возвёл вокруг дома. И там, позади хижины, под сенью огромной пальмы он устроил уютное ложе из бамбукового настила, покрытого травой. Это было их место, где они могли наслаждаться друг другом, не боясь, что разбудят сына. А его Анна слышала сразу, каким-то безошибочным чутьём предугадывая, что крошка проснулся и готов заплакать.

— Милый, я так соскучилась, — выдохнула Анна, прижимаясь к нему, дотрагиваясь пальчиками до его щеки.

Серж припал к пухленьким губкам, уже ждущим его поцелуя. Сначала поцелуй был очень нежным, но глубокий вздох Анны и её трепет вызвали у Дюваля страстное нетерпение, и он властно раздвинув любимый ротик, буквально впился в него с жадностью. Анна застонала, Серж ощутил, как напряглись набухшие «орешки» её груди, теперь и в этом месте она мгновенно становилась влажной. Это ещё больше заводило его. Однажды, лаская жену, он с изумлением ощутил влагу, просочившуюся из переполненных «пирамидок», почувствовал сладковатый молочный вкус на своих губах. Тогда она смутилась, прошептала, отводя взор:

— Милый, прости...

— За что, глупышка?! — улыбнулся он и настойчивее припал губами к источнику, стал посасывать.

— Не забывай о сыне, сумасшедший, — выгибаясь в его руках, выдохнула она с пьяной улыбкой, — оставь ребёнка...

И сейчас Дюваль, очаровывая Анну своей улыбкой и взглядом, заметил:

— Надеюсь, малыш Анри хоть что-то оставил папочке...

И сразу протянул:

— Мммм, да... он нежадный мальчик...

Грудь стала настолько чувствительной, что Анна уже после нескольких прикосновений губ и языка мужа забила в сладких конвульсиях. По её щекам катились слёзы.

— Счастье моё, всё хорошо, я не сделал тебе больно? — встревожился Серж.

— Нет, любимый, — покачала она головой, улыбаясь сквозь слёзы. — Я улетаю от твоих ласк... Это... как попасть в рай...

Дюваль, сидя на поджатых ногах, осторожно провёл пальцем по самому низу животика. Удивительно, но после родов Анна не потеряла своей хрупкости, по-прежнему напоминая изящную статуэтку. Лишь в её движениях появилось больше плавной мягкости. Анна вдруг приподнялась и, обняв его бёдра, уткнулась лицом в восставшую плоть мужа. Её губки ласково скользнули по багровой головке, чуть всосали тяжёлые горячие «кисеты». Несколько скользящих движений язычком, и Серж не выдержал. Он быстро поставил Анну на колени и локти, развернул к себе кругленькую попку и взял сзади осторожным, но решительным движением. Анна умирала от его сладкой власти. Содрогаясь и постанывая, она с радостным трепетом ощутила его внутри себя. Лоно сжалось, обнимая любимую плоть, впитывая её жар.

— Милый, — прошептали горячие губки, — прошу тебя, сделай глубже... Я... так хочу... до конца...

И Дюваль, напрягая ягодицы, сжимая румяную попку, сильнее качнул бёдрами, вошёл до упора. Время исчезло. Все их чувства были сейчас сосредоточены внутри их тел, слитых в

одно. Несколько наступательных движений, солнечный взрыв, трепет лона, переполненного счастьем. Дюваль, всё ещё оставаясь внутри Анны, склонился над её спинкой и, охватив руками её талию, прижал жену к себе, уткнулся лицом в её волосы.

— Маа, любовь моя, моя сладкая девочка... — выдохнул он хриплым голосом, — я готов отдаться тебе весь до капли... без остатка...

— Милый, — срывающимся от волнения голосом, улыбаясь, ответила Анна, — мне немного больно спину. Ты тяжёлый...

— Прости! — и он отпустил её.

Вытянувшись, закинув вверх руки, она попросила:

— Посмотри Анри... Вдруг он проснулся.

Дюваль пошёл в хижину. Младенец посапывал в своей колыбели. Когда Серж вернулся к жене, она, свернувшись калачиком, подложив ладошку под щёчку, тихо спала. Закат тронул край неба, со стороны леса задул лёгкий ночной бриз. Дюваль поднял Анну на руки, унёс в дом и бережно уложил на постель. Сам опустился рядом и замкнул маленькую фигурку в своих объятьях.

Анна стояла на крутом берегу и смотрела на море. Эта привычка появилась у неё, когда она долгими часами ждала Сержа с охоты или рыбалки. Сегодня он был дома, чинил снасти.

— Мамочка, нам пора кушать, — услышала она за спиной голос мужа, обернувшись, улыбнулась.

На руках он держал сына. Крошка Анри таращился на мир огромными синими, как у отца, глазёнками. Четыре кусочка морских волн — темно-синие, как в шторм, и светлые, мягкие, как в штиль, плескались перед ней, заставляя сильнее биться её сердце. Анна бережно взяла сыночка, шепча что-то нежное, присела на большой камень и стала кормить. Дюваль стоял рядом, заслоняя их от ветра, который сегодня был довольно сильным. (Специально для них любовался ими.

— Ну, вот и покушали, иди к папе, — Анна передала малыша мужу и сказала: — Уложи его, я сейчас приду.

Когда Серж ушёл, Анна ещё раз взглянула на море. О, Боже! Анна в волнении приложила руку к глазам, принимая увиденное за мираж. Примерно в двух милях от берега к острову шёл парусник.

— Этого не может быть, — побледнев, пробормотала она. — Господи, только бы он не увидел! И она кинулась домой. Запыхавшись, ворвалась в хижину и закрыла двери.

— Любовь моя, — Дюваль удивлённо вскинул на неё глаза, — ты разбудишь Анри.

Потом, оставив свои записи, поднялся из-за стола, подошёл к жене и взял её за плечики.

— Что-то случилось? — он обеспокоенно заглянул ей в глаза.

— Н-нет, нет, — улыбнулась Анна и прижалась к нему, — просто... подул сильный ветер и...

— Ты вся дрожишь, — Дюваль встревожился не на шутку. — Ты, часом, не заболела?

И он потрогал губами её лоб.

— Всё в порядке, — опять улыбнулась она. — Ты же знаешь... я иногда волнуюсь без причины...

— Да, — он стал играть её волосами, наматывая локоны на пальцы, — но не стоит так делать... Всё хорошо. Я с тобой.

Он поцеловал дрогнувшие кораллы её губ.

— Только бы он не пошёл к берегу, — проносилось в голове у Анны.

Уже давно, ещё до рождения сына, она решила, что ни за что не покинет этот остров.

— Если мы вернёмся в общество, я потеряю его, — думала она. — Кто он для всех? Пират, преступник... Убийца... У меня его отнимет так называемое правосудие... Я не вынесу этого. Когда появился Анри, её решение только окрепло. Она не могла оставить сына без отца... Не могла потерять свою любовь! Теперь она уже не та глупая девчонка, игрушка в руках судьбы. Теперь она женщина, которой есть, что терять, и она не позволит отнять её счастье. Что же, если для спасения Сержа нужно всю жизнь провести в этом безлюдном месте, без привычных ей с детства комфортных условий, она готова. Лишь бы он всегда оставался рядом с ней. Лишь бы утопать в тёмной синеве его глаз, засыпать в объятьях сильных, больших рук.

Анна, дрожа как в лихорадке, уронила платье к ногам, предстала перед любимым в первозданном виде. Она знала, чем может надолго удержать его дома. Тонкие пальчики решительно опустили на застёжку брюк, расстегнув ремень, быстро справились с пуговицами. Мягкие ручки охватили напрягшуюся плоть, ласково заскользили по всей длине. Дюваль, приятно удивлённый, смотрел на жену пьяным взглядом, ощущая, как с каждым мгновением им всё больше овладевает желание. Один обнажённый вид Анны лишал его самообладания, но когда она начинала ласкать его в заветном месте, он вообще терял всякую волю, все его чувства сосредотачивались там. Упав на колени, Анна прижалась разгорячённой щёчкой к набухшему телу любимого, подняла на него завораживающий взгляд блестящих глаз в густом бархате ресниц и улыбнулась сладко, обволакивающе. Он глубоко вздохнул, сдерживая стон, боясь разбудить сына. Опустил руку на её голову, взяв за волосы, теснее притянул к себе и вошёл в маленький покрасневшийся ротик. Пухленькие губки, мягкие и горячие, ловкий язычок творили чудеса. Анна, не сводя с мужа восторженного взгляда, в котором он тонул, смаковала багровую головку, будто хотела насытиться ею. Ручки Анны ласкали, сжимая и нежно перекатывая пальчиками, его тяжёлые огромные «кисеты». Выгибаясь, вжимаясь в личико жены, Дюваль излился прямо в её ласковый ротик. Проглотив коктейль жизни, Анна слизнула с губ драгоценные капли, улыбаясь торжествующе, словно одержала долгожданную победу, осторожно поцеловала самый низ его живота, там, где кудрявились густые жёсткие, чёрные волосы.

Быстро встала, не давая ему опомниться, и развернулась к нему спиной. Приподнявшись нацыпочки, прижалась к его опять изгототовившемуся «стержню» своими атласными половинками.

— Сэр, давайте стоя... сзади, — попросила с улыбкой, закрывая глаза, словно смущаясь своего желания.

Дюваль завёл руку ей между ножек, сразу ощутив пальцами медовый «нектар». Медленно размазал его по припухшему роту и, отклонив назад её головку, поцеловал долго и горячо, вкушая её «мёд». Потом он легко, как невесомое облачко, оторвал её от пола, чтобы возделенное лоно оказалось на одном с ним уровне, и вошёл плавно, настойчиво, осознавая себе хозяином этого сокровища. Стараясь приглушить свои стоны, дабы не разбудить малыша, Анна прикусила нижнюю губу. Её головка в россыпи локонов откинулась назад на плечо мужа, косы накрыли его лицо. Из её округлых, переполненных «лун» струились тоненькие молочные ручейки, сбегая на руки мужа, которые охватывали её талию.

Дюваль, насаживая на себя Анну, вмял атласную пухлость её попочки. Подчиняя жену своей

власти, он двигался настойчиво, зная, что доставляет жене неземную радость. Анна любила ощущать силу его рук, ей нравилось чувствовать его у себя внутри и покоряться, отдаваясь ему без остатка. Этот необыкновенный, её любимый пират волен был делать с ней, что хотел. Принадлежать ему было для Анны высшим счастьем. Когда всё было кончено, и они оба одарили друг друга своим огнём, Дюваль развернул жену к себе лицом и заметил шёпотом с лукавой улыбкой:

— Мадам, почему вы сегодня решили соблазнить меня?

— Гм, соблазнить? — покраснела Анна, отводя взор.

— Конечно, — усмехнулся Серж, — это был прямо натиск, нападение с вашей стороны...

Неужели ветер так повлиял на вас?

— Не знаю... — Анна почувствовала, что краска заливает её лицо...

— О, как я люблю, когда вы краснеете, мадам, — Дюваль прижался лицом к её волосам.

И вдруг серьёзным тоном сказал:

— А теперь давайте... рассказывайте, что вы увидели на берегу...

Анна от неожиданности вздрогнула, попыталась отстраниться от него, но он держал её, как в тисках, чем больше она пыталась высвободиться от его рук, тем теснее становились его объятия.

— Пустите меня! — её глаза метнули тёмную молнию.

— Тсс, вы разбудите наше дитя! — ухмыльнулся он. — Итак, я весь внимание.

— Ничего! Я ничего не видела!

— Не лгите! Вы не умеете это делать! — Дюваль взял в ладони её лицо и внимательно посмотрел ей в глаза, утопив в холодных волнах, которые плескались в его взгляде. — Как только вы ворвались, хлопнув дверью, и стали... приставать ко мне, — он улыбнулся, — я сразу понял, что вы пытаетесь не пустить меня на берег...

— Хорошо, — Анна вновь дёрнулась, — отпусти меня, я расскажу.

Дюваль разжал руки и отпустил её. Сев на ложе, Анна упавшим голосом призналась:

— Я... видела парусник...

— Что?! — Дюваль, как был, обнажённый, кинулся прочь из дома.

Анна упала лицом на подушку и беззвучно заплакала. За ширмой проснулся Анри и разревелся во весь свой громкий голос.

Когда Дюваль вернулся, хижина утопала в потоках слёз, льющих в четыре ручья из глаз младенца и матери. Не говоря ни слова, Серж взял у рыдающей жены сына, и тот сразу затих на его руках.

— Молодец, сынок, — грустно улыбнулся Дюваль, — ты должен доверять папе. Он всегда будет заботиться о тебе... чего не скажешь о мамочке...

— Ты... ты... пират! — вдруг выпалила Анна, с яростью глядя на мужа.

— Да, — невозмутимо кивнул он, — я, конечно, он и есть... И что с того? Давайте, мадам, не будем говорить лишних слов. Лучше скажите, почему вы скрыли от меня увиденное.

— Я... не хотела... не хочу... — забормотала Анна со слезами.

И вдруг её как прорвало.

— Как ты не понимаешь — я не хочу тебя потерять?! — воскликнула она. — Да, да! Если мы вернёмся к людям, ты окажешься в руках правосудия! Глупец! Неужели ты хочешь оставить нас с Анри одних?!

Анри от её крика опять зашёлся в плаче.

Осторожно покачивая его и касаясь губами пушистой головки, Дюваль спокойным тоном возразил:

— А ты, как я понял, хочешь запереть нашего сына на этом острове, лишить его нормального будущего!

— Пусть лучше здесь и с отцом, чем в мире, но сиротой! — не унималась Анна.

— Хорошо, хорошо, — пожал Дюваль плечами. — Не кричи, прошу тебя! — он поморщился. Откровенно сказать, в эту минуту он любовался ею. О, как невыразимо прекрасна была Анна в своём гневе! Огромные глаза сверкали, пуская на него чёрные молнии. Пунцовое личико с припухшими рубиновыми губками, дрожащая обнаженная фигурка, метающиеся по телу косы, — всё вызывало в нём желание прижать её к себе и немедленно овладеть этой красотой.

— А ты не подумала, — вновь спросил он, — что это был... пиратский корабль?

— Пиратский? — голос Анны упал, и она плюхнулась на кровать.

— Да, пиратский... И теперь мы, как овцы, должны сидеть и ждать своего часа. Хорошо, если нам повезёт, и никто не заметит нашего присутствия здесь. А если... если нас обнаружат...

Анна беззвучно зарыдала, уткнувшись лицом в подушку.

Анри заснул, и Дюваль опустил его в колыбель. Слёзы Анны разрывали ему сердце. Да он был зол на неё, но едва увидел худенькие плечики, содрогающиеся от слёз, как злость прошла без следа. Дюваль бросился к ней, привлёк к своей груди, зашептал срывающимся голосом:

— Милая, девочка моя, не надо плакать! Это не стоит того! Ну, прости, прости меня! Я не знаю, что на меня нашло...

Он утопил её в своих поцелуях, шепча ласковые признания. И Анна, постепенно затихнув, привычно уснула в его руках.

Прошла неделя. Дюваль не покидал дома, боялся оставить жену и сына одних. Каждый день он выходил на берег и всматривался в море. Горизонт был чист. Постепенно тревога Сержа улеглась.

— Наверняка, это был парусник, зашедший сюда за пресной водой, — думал он. — Возможно, Анна права... Я действительно преступник... Окажись я в тюрьме, что стало бы с ней и Анри?... Они даже не носят моей фамилии... Мой сын незаконнорождённый...

Он прекрасно понимал, какое клеймо лежало бы на Анне и их сыне.

Наконец, Дюваль решил отправиться на охоту. Едва он углубился в лес, как услышал протяжный свист, хорошо знакомый ему. Так мог свистеть только один человек в мире — Старина Джим. Дюваль вздрогнул и насторожился. Вскоре ему навстречу из густых зарослей вышла знакомая фигура. Перед ним стоял Джим.

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)